

Глава 6

Кан И Бон заговорил, так и не взглянув на Чон У Чхана.

— Зачем ты пришёл сегодня? Пришёл, потому что боялся, что я ляпну что-нибудь лишнее?

В его тоне и самой атмосфере вокруг него чувствовались колючие шипы. Несмотря на это, он так и не смог заставить себя встретиться с Чон У Чханом взглядом; его сжавшаяся фигурка выглядела жалко.

Чон У Чхан тяжело выдохнул и подошёл к И Бону.

— Вовсе нет. Я лучше кого бы то ни было знаю, что ты бы так не поступил.

— Не лги. Тогда не было никакой нужды выкраивать время и приходить сюда. Насколько же ничтожным ты меня теперь считаешь?

И Бон грубо оттолкнул руку, которая привычным жестом потянулась, чтобы коснуться его щеки.

С лицом, покрасневшимся от сдерживаемых слёз, он посмотрел на Чон У Чхана глазами, полными глубокой, горькой обиды.

Чон У Чхан, видя, как обычно спокойное лицо И Бона исказилось отчаянием, с дискомфортом прикусил нижнюю губу.

— И Бон, я не такой идеальный человек, каким ты меня считаешь. Ты же знаешь, каких усилий мне стоило добиться того, что у меня есть сейчас. Ты всё это время был рядом. И мне страшно. Я боюсь потерять всё, чего достиг. И так как в будущем у меня не будет на тебя времени, а мой предел возможностей вот такой, я решил, что лучше всё закончить сейчас, пока я не причинил тебе ещё больше боли. Поэтому я и нашёл время прийти сегодня... Мне правда очень жаль за то, что случилось в тот день. Я пришёл сюда не потому, что боялся твоих слов маме. Честно.

— ...

— Ты ведь знаешь меня, верно? — У Чхан жалобно состроил бровки, выглядя искренне огорчённым, от чего И Бон просто лишился дара речи.

Может, он и правда слишком погорячился? Острая атмосфера немного разрядилась, но печаль никуда не исчезла.

— ...Но неужели настоящая причина нашего разрыва только в том, что наши отношения могут очернить твою репутацию? И это всё?

— Очернить мою репутацию? Зачем ты так говоришь? Когда ты сам выйдешь в общество, ты поймёшь, что я чувствую. Почему ты пытаешься выставить меня злодеем?

В конечном итоге, отрицания не последовало. И Бон почувствовал, как в нём поселяется леденящее чувство, выходящее далеко за рамки обычной грусти.

— Разве нельзя было просто стать осторожнее, если тебя это так волновало? Почему ты никогда не думаешь обо мне? Почему печёшься только о себе? Ты мог бы сначала поговорить со мной.

Лицо Чон У Чхана мгновенно стало холодным, отчего сердце И Бона ухнуло вниз.

— Кан И Бон.

— ...

— Ты вообще слушал, что я тебе говорил? Я делаю это ради твоего же блага. Почему ты думаешь только о себе? Я долго обдумывал это решение. Закончить всё здесь и сейчас — лучший вариант для нас обоих. Ты хоть представляешь, как тяжело мне это далось? И почему ты до сих пор не извинился за то, что произошло в тот день? Вытворить такое на улице, на глазах у других — это по-твоему нормальное поведение? Ты хоть знаешь, как сильно я переживал о том, кто мог нас увидеть? Ты знал, как для меня важны такие вещи, и всё равно сделал это.

— ...

— Если бы ты так не поступил, мне бы не пришлось прибегать к насилию. Сколько я ещё должен тебя утешать?

На протяжении всей тирады Чон У Чхана И Бон всё больше сжимался, словно преступник.

Каждое холодное, выверенное слово казалось правильным, но чем дольше И Бон слушал, тем сильнее ему хотелось ударить Чон У Чхана.

Когда И Бон опустил голову, дрожа всем телом, У Чхан вздохнул, потирая лоб.

— Ха, я пришёл сюда не для того, чтобы злиться на тебя. И Бон, почему ты в последнее время только усугубляешь ситуацию? Хватит делать меня виноватым. Мы уже не в том возрасте, чтобы не понимать друг друга. Я хочу закончить всё на хорошей ноте, почему до тебя это не

доходит?

И Бон стиснул зубы до боли в дёснах.

Неужели во всём этом действительно виноват только он? Неужели он рушит то, что могло закончиться красиво?

И Бон хотел было возразить, но слова не шли на ум.

— ...Сегодня мы ни к чему не придём. Твоя мама волнуется, так что возьми себя в руки и возвращайся поскорее.

Не оборачиваясь, Чон У Чхан вышел из переуллка.

И Бон не мог до конца осознать те острые, яростные эмоции, что захлестнули его тело.

Всё, что он мог делать — это медленно и глубоко дышать, пытаясь унять угрожающую бурю внутри.

В одном И Бон был уверен точно:

Его отношения с Чон У Чханом были разрушены окончательно и бесповоротно.

Чха Хёк был странным.

Он вёл себя так, будто развонит всем о том, что Кан И Бон гей, если тот не будет сидеть рядом с ним на общеобразовательном предмете, однако по средам ему было абсолютно плевать, где именно в аудитории сидит И Бон.

Он даже не пытался с ним заговорить, ограничиваясь коротким приветствием при входе.

Не понимая, что в голове у Чха Хёка, И Бон в итоге сам начал крутиться вокруг него.

Шла уже четвёртая неделя, и И Бон занял место, откуда мог видеть Чха Хёка, просто слегка повернув голову.

Чха Хёк лишь показал ему ладонь. С прошлой недели он перестал даже махать рукой.

Каждую неделю И Бон приходил в ярость из-за этой лекции, будучи вынужденным писать рефераты, которые в обычной ситуации ему были даром не нужны. Учитывая затянувшиеся последствия расставания и предательство человека, которому он доверял, каждый день давался ему с трудом, и эти отчёты только заставляли Чха Хёка раздражать его ещё сильнее.

Когда И Бон уставился на него, проигнорировав приветствие, Чха Хёк нахмурился, а затем склонил голову набок.

Слабая улыбка, которая, казалось, всегда сопровождала его взгляд на И Бона, полностью исчезла.

«Я облажался».

Только тогда И Бон понял, насколько грубым было его поведение по отношению к такому человеку, как Чха Хёк, но было уже поздно.

В притихшей аудитории звук отодвигаемого стула прозвучал громко и отчетливо.

Вздрогнув, И Бон скосил глаза и увидел приближающегося Чха Хёка.

«Пожалуйста, только не садись со мной. Пусть он просто идёт мимо...»

И Бон молился и надеялся, но Чха Хёк без колебаний сел прямо рядом с ним.

Сердце И Бона ушло в пятки.

Пока он дрожал, уставившись в светло-бежевую поверхность стола, на ней внезапно появилась грубая ладонь, отчего И Бон едва не подпрыгнул на месте.

— Ты болен?

Если он скажет «нет», значит ли это, что Чха Хёк решит сам причинить ему боль? Тогда, возможно, лучше ответить «да».

«С чего это он вдруг спрашивает, болен ли я?»

И Бон не сразу нашёлся с ответом, он повернул голову к Чха Хёку и, заикаясь, выдавил:

— Вы... зачем вы сюда пересели?

Чха Хёк едва заметно улыбнулся, подперев подбородок рукой.

— У тебя было такое лицо, будто ты очень хочешь, чтобы я сел рядом.

Совершенно неожиданно для самого себя И Бон расслабился. Не похоже было, что тот пришёл угрожать.

— ...И когда это у меня было такое лицо?

И Бон разжал плотно сжатый кулак и выложил на стол тетрадь и пенал, которые начал было доставать.

Чха Хёк протянул руку и вытащил из пенала трехцветную ручку.

«Что, он просто пришёл ручку одолжить?»

Пока И Бон наблюдал, Чха Хёк принялся что-то увлечённо писать в углу своего учебника.

И Бон не мог разобрать, что именно тот пишет и вообще на корейском ли это.

Сгорая от любопытства, И Бон попытался заглянуть в книгу, но огромная ладонь Чха Хёка преградила ему обзор.

Вскоре Чха Хёк закончил и развернул угол учебника к И Бону.

Вместо слов на полях красовался рисунок. Настолько кривой, что даже первоклассник справился бы лучше.

И Бон нахмурился и наклонился поближе, чтобы рассмотреть каракули.

«Клоун... льющий кровавые слёзы!..»

Рисунок выглядел пугающе странно.

— ...Это ещё что такое?

— Это ты.

И Бон почувствовал, как мурашки пробежали от шеи до самого копчика.

«Это гротескное нечто — я?.. Это, с красными пятнами вместо глаз?!..»

«Твои глаза говорят, что ты хочешь со мной дружить. А я парень не из лёгких.»

В ушах зазвучал тот самый леденящий голос из кафе, когда И Бон так нагло пялился на Чха Хёка.

И Бон коснулся кожи под глазами и отодвинулся подальше от соседа.

— ...Это угроза выколоть мне глаза?

— Что?

Чха Хёк склонил голову, словно не понимая, что за чушь несёт этот парень, а затем, видимо, что-то осознал и ткнул пальцем в красные отметины.

— Это слёзы. Просто синие чернила не писали.

Только сейчас И Бон понял, какую именно ручку взял Чха Хёк. В ней давно пора было заменить синий стержень, но И Бон всё откладывал, так как почти им не пользовался.

Теперь, после объяснений Чха Хёка, рисунок действительно стал походить на плачущее лицо.

«Ну кто рисует слёзы красным просто потому, что синие чернила закончились?»

И Бон засомневался: не врёт ли Чха Хёк, чтобы его успокоить, но тут же отбросил эти мысли — вряд ли кто-то станет лгать по такому пустяку. Он неуверенно кивнул.

— Так зачем вы на самом деле сюда пересели?

— Потому что ты каждый раз на лекции смотришь на меня вот так.

Чха Хёк снова указал на свой рисунок, и И Бон с озадаченным видом не смог продолжить разговор, так как в аудиторию вошёл профессор.

«Но у меня вовсе не было плачущего лица; я просто злился...»

Во время скучных частей лекции, полностью оправдывающей своё название, И Бон украдкой поглядывал на сидящего рядом Чха Хёка.

К его удивлению, Чха Хёк, казалось, слушал очень внимательно. В его учебнике то и дело появлялись пометки — видимо, конспекты лекции.

И, что было совсем уж неожиданно, он ни разу не попытался заговорить с И Боном или как-то его задеть.

«Как ни крути, он выглядит как заправский бандит».

Не похоже было, что он здесь просто ради учёбы. И Бон поймал себя на мысли, что, возможно, он слишком предвзято судит по внешности.

Если подумать, он ведь ничего толком не знал о Чха Хёке. Даже его возраст оставался загадкой; только имя и факультет психологии.

Иногда атмосфера между ними накалялась, но тот ни разу не позволил себе грубости или насилия.

Возможно, Чха Хёк не такой страшный, каким кажется. Может, он обычный парень, который поздно поступил в университет, просто внешность у него суровая.

«У того шрама на брови тоже может быть какая-нибудь пустяковая причина».

И Бон уставился на тонкий длинный шрам на кончике густой брови Чха Хёка.

Он выглядел старым, так что невозможно было угадать, что именно так глубоко рассекло кожу. Можно было только предположить, что в тот момент было очень больно.

«Хочется разок к нему прикоснуться».

Стоило этой мысли промелькнуть в голове при взгляде на бугристую кожу шрама, как И Бон почувствовал на себе чей-то взгляд и посмотрел вниз.

Он столкнулся с глубокими, тёмными глазами.

Почувствовав себя так, будто его поймали на чём-то постыдном, И Бон поспешно отвернулся к кафедре.

Сердце бешено колотилось. Только сейчас он осознал, насколько нагло и открыто пялился.

Боковым зрением он увидел, как Чха Хёк наклонился и что-то пишет. Вопреки его ожиданиям, вместо скрипа ручки по учебнику раздался едва слышный звук рвущейся бумаги.

Перед ним положили клочок бумаги с неровно оторванным краем.

[Хочешь поесть торта?]

Переводчик и редактор: □□ □□

<http://bllate.org/book/14733/1639209>